

замуж, ведь ты нищий. Скажи, что бить не будешь и позволишь всё мне делать, что я захочу, тогда, может, и выйду”, — смеется» (14, 109). Позднее он назовет ее «царицей всех инфернальниц, каких можно только вообразить на свете!» (14, 143). Походка Грушеньки легкая, неслышная, а «темные соболиные брови и прелестные серо-голубые глаза с длинными ресницами заставили бы непременно самого равнодушного и рассеянного человека, даже где-нибудь в толпе, на гулянье, в давке, вдруг остановиться пред этим лицом и надолго запомнить его». Само собой приковала она к себе Алешу Карамазова (он, кажется, готов во все капканы попасть, но из всех благополучно ускользает): «Взгляд ее веселил душу — Алеша это почувствовал. Было и еще что-то в ней, о чем он не мог или не сумел бы дать отчет, но что, может быть, и ему сказалоь бессознательно, именно опять-таки эта мягкость, нежность движений тела, эта кошачья неслышность этих движений». И ничего декадентского, изломанного, «утонченного»: «...это было мощное и обильное тело. Под шалью сказывались широкие полные плечи, высокая, еще совсем юношеская грудь. Это тело, может быть, обещало формы Венеры Милосской, хотя непременно и теперь уже в несколько утрированной пропорции, — это предчувствовалось». Конечно, это уже наблюдения не монашка Алеши, а многоопытного повествователя, знающего толк в женщинах и женской красоте, далеко вперед заглядывающего и проникательно определяющего: «...красота на мгновение, красота летучая, которая так часто встречается именно у русской женщины» (14, 137).

«Тело», «формы» Грушеньки описываются с редкой в произведениях Достоевского рельефностью. Слишком земная, гордая, наглая, коварная, «яростная», порывистая и прекрасно умеющая устраивать свои дела: «...румяная, полнотелая русская красавица, женщина с характером смелым и решительным, гордая и наглая, понимавшая толк в деньгах, приобретательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успевшая, как говорили про нее, сколотить свой собственный капиталец» («многие прозвали ее сущюю жидовкой») (14, 311). Подчеркивается жестокое, злое начало, вдруг проступающее сквозь утрированную мягкую, кошачью внешность движений, жестов, — так мелькает в усмешке Грушеньки «какая-то жестокая черточка», бурно проступает ненависть. Она сама называет себя «низкой» и «неистойвой». Неудивительно, что Алеша Карамазов «составил об ней устрашающее понятие» (14, 315). Позднее это не только у него, но и у большинства жителей Скотопригоньевска составившееся «понятие» в романе весьма существенным образом корректируется, проступает другая, идеальная, поэтическая, жертвенная сторона души героини (начиная с главки «Луковка»), особенно сильно, горячим порывом раскрывающаяся в бредовых хмельных речах в Мокром: «Завтра в монастырь, а сегодня попляшем. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что ж такое, Бог простит. Кабы Богом была, всех бы людей простила: „Милые мои грешнички, с этого дня прощаю всех” <...> Злодейке такой, как я, молиться хочется! <...> Все люди на свете хороши, все до единого. Хорошо на свете. Хоть и скверные мы, а хорошо на свете. Скверные мы и хорошие, и скверные и хорошие...» (14, 397).

Скверное и хорошее, «зверское» и «ангельское» не существуют в Грушеньке отдельно, все это живет в тесном союзе, вместе оба начала и в самом крайнем проявлении своих качеств, неистово, как например в полубезумном обращении к Дмитрию Карамазову: «Теперь всё мое — твое. Что нам деньги? Мы их и без того прокутим... Таковские чтобы не прокутили. А мы пойдем с тобою лучше землю пахать. Я землю вот этими руками скрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказал. Я не любовница тебе буду, я тебе верная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы к ба-